

Владимир КОРКУНОВ

«КУЛЬТУРА НЕМЫСЛИМА БЕЗ ХОДЬБЫ ПО ГРАНИ»

Беседовал Борис Кутенков

В издательстве Jaromir Hladik Press вышла книга «Потерянный и обретённый свет» – поэтический сборник Владимира Коркунова, в котором представлены монологи слепоглухих людей об их зрительных и визуальных воспоминаниях. Это первое исследование феномена слепоглухоты в жанре документальной поэзии. Книга сопровождается статьёй Коркунова о слепоглухоте и документальной поэзии, впервые опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение».

Мы поговорили с Владимиром о фрейме слепоглухоты, соотношении фактов и преобразования в документальном поэтическом тексте и о корифеях жанра.

– Владимир, как появилась книга?

– Книга стала естественным продолжением моей работы в Фонде поддержки слепоглухих «Со-единение». Я пришёл туда в январе 2019 года, и одним из первых моих проектов стал литературный конкурс «Со-творчество», в котором принимали участие слепоглухие люди. Мне было интересно, как они пишут из состояния слепоты и глухоты, какие особые измерения обретают их тексты; да и вообще: возможно ли это?

– И как же ты ответил себе на эти вопросы?

– Много позже, когда я анализировал их работы, понял, что даже во вроде бы лирических текстах, в которых о слепоглухоте напрямую не сказано, присутствует некий *фрейм слепоглухоты*. Я связываю это понятие с тем, что Виталий Лехциер однажды назвал «фреймом документальности» – определённой оптикой, признаками, которые позволяют выделить текст в особый ряд (тематический, методологический и др.).

Это может быть не вполне очевидно: мы способны написать о том, что видим. И слепоглухой человек может написать о том, что видит. Только в одном случае зрение будет реальным, а в другом – воссозданным. Здесь же некоторые, незаметные внешне, особенности. Взять, к примеру, текст Елены Волох (героини документального проекта): «Я плыву на плоту. Тишина. Пустота. <...> Погибаю... Рука ухватилась за штырь» и др. Вроде бы неприятельные строки. К тому же сама Волох отрицает, что её тексты раскрывают тему слепоглухоты. Но приглядишься: океан описывается словом «тишина», тогда как шторм очевидным образом звучит. В тексте нет красок/цветов, он подан с позиции тактильных ощущений: «рука ухватилась за штырь». Это я и хочу называть фреймом слепоглухоты.

А вот Николай Кузнецов (тоже герой документального проекта), который совершенно не видит, но слышит с помощью кохлеарных имплантов – он стал первым ребёнком в России, которому сделали такую операцию. Его стихи предельно зримы, он едва ли не единственный из слепоглухих людей не подбирает уже известные образы, а мыслит ими. Например: «Луною солнце вспорото – / И в глубине высот / С отливом красным золото / Заполонило свод. // Скажи, какую драмой, / Огромнейший сосуд, / Ты сдержанно и рьяно / Зеркальный красишь пруд?» Несколько лет назад мы говорили с Лидой Юсуповой о поэзии слепоглухих людей, и она была так впе-

чатлена работами Кузнецова, что хотела номинировать его на Премию Аркадия Драгомощенко. Но премия, увы, прекратила существование. И вот, понимая состояние человека, ты видишь, насколько стихотворение зримо. Я бы назвал его ещё и компенсационным: звука в тексте нет. Это тоже о фрейме.

К чему я привожу эти примеры? Когда завершился конкурс «Со-творчество», я понял: слепоглухие люди в поэтических текстах пишут больше на общие темы, касаясь бисенсорных особенностей по остаточному принципу. (При этом в прозе или эссеистике слепоглухота – основная тема.)

– Ты привёл примеры из творчества своих собеседников. А вообще, есть ли особая специфика, связанная с творчеством слепоглухих, помимо упомянутого тобой говорения «на общие темы»?

– Здесь надо отделить тексты монологов, которые я составил/написал на основе интервью со своими героями и героинями, от непосредственного творчества слепоглухих людей. И если говорить о специфике их письма, будет уместно привести цитату философа-марксиста Эвальда Ильенкова. В 1970-х четвёрка молодых людей из Загорского детского дома для слепоглухих сумела окончить МГУ и опровергла тезис о своей необучаемости. Ильенков был среди идеологов эксперимента, много общался с участниками, изучал возможности их интеллекта.

Один из этой четвёрки, Александр Суворов, позднее писал, что Ильенков стал для него духовным отцом. Они часто виделись, обменивались письмами. Как-то юный Саша поделился с ним «недозволенными», откровенно суицидными мыслями, вызванными слепоглухотой. Его волновал вопрос, отличаются ли чем-то принципиальным слепоглухие от зрячелышащих, и если да, то чем. Ильенков ответил, что нет специфических «слепоглухих» проблем, но есть более острая в экстремальных условиях, а потому более точная постановка проблем общечеловеческих, и специфические, слепоглухотой обусловленные, способы их решения. И, возможно, этими словами спас Суворова.

Думаю, это относится и к литературе. Слепоглухие люди пишут так же, как все остальные. На точно такие же темы. Любовная и природная лирика, рассказы, повести, даже романы; нон-фикшн и научные изыскания. Конечно, есть обусловленные слепоглухотой «способы решения»: многие работают с помощью дисплеев Брайля, а значит, намного медленнее (но есть и слепоглухие люди, которые освоили слепую печать на зрячей клавиатуре). Конечно, им сложнее найти нужную информацию, зато у некоторых удивительным образом работает память: Ирина Поволоцкая (героиня книги монологов) после наступления слепоглухоты стала намного легче запоминать слова и выучила почти все европейские языки. А тот же Николай Кузнецов помнит сюжеты всех прочитанных книг и может повторить лекцию за преподавателем (притом что в свободное время слушает аудиокниги до 12–14 часов в день на скорости, увеличенной в шесть раз).

– Почему ты вообще решил заниматься людьми с бисенсорными нарушениями?

– Потому что в благотворительном фонде мне дали такую возможность. Я всегда и везде стараюсь заниматься поэзией (*улыбается*). И возможность совмещения работы и хобби, которое стало делом жизни, не даёт потерять мотивацию и драйв.

– Так что же прибавляет к их голосам твоя поэтическая работа?

– Мне захотелось восполнить в поэтическом жанре то, о чём сами слепоглухие люди практически не говорили, притом что именно они носители уникального экзистенциального опыта, который разделит их жизни на две части: когда ты видел или слышал – и внезапно перестал.

В этом есть что-то от буддистского перерождения. Умирание и попытка жить (выжить) в других условиях, заново приспосабливаясь к жизни, (пере)осваивая самые обычные вещи. Вот

ты выходишь из подъезда, тебе надо дойти до магазина. Раньше ты видел путь, мог обойти препятствия. А сейчас – как это сделать? Или тебе нужно приготовить что-то – и не пережарить, не залить маслом, не устроить пожар. Слепоглухой человек в своём новом состоянии будто бы возвращается к состоянию ребёнка. И заново учится всему – от языков (поэтому мы не добавляем слово «немой») до элементарных бытовых задач. Даже проблема прямохождения может стать непреодолимым препятствием, когда надо выйти из дома, не говоря уже о социализации (а у некоторых слепоглухих людей проблемы с вестибулярным аппаратом).

– И наверняка общество не очень-то расположено к людям с подобными особенностями.

– Мы знаем: общество не очень-то замечает слепоглухих людей (да и вообще людей с инвалидностью). То, чего происходит не с нами, – не существует. Поэтому мне было важно, с одной стороны, вывести людей с бисенсорными нарушениями из состояния невидимости, а с другой, сосредоточиться на теме, которая вряд ли оставит равнодушными читателей. А ведь задача искусства, помимо того, чтобы приносить новизну, – волновать, переворачивать сознание, помогать обрести/чувствовать новый опыт.

К работе над циклами монологов я приступил летом 2020 года. Параллельно собирал антологию текстов о слепоглухоте – это было частью моего исследования, погружения в мир, в котором поблекли краски и пропал звук. Мне было важно понимать, как это происходит, что чувствует человек в такой ситуации – через множество примеров, поэтических воплощений, описаний. Журналисты как-то провели эксперимент: завязали глаза, заткнули уши и провели в таком состоянии целый день. Но это ведь тоже симулякр! Слепоглухой профессор, доктор психологических наук Александр Суворов, сказал им: «Вы никогда нас не поймаёте. Потому что знаете, что в любой момент сможете снять повязку и вынуть беруши. А мы этого сделать никогда не сможем».

Окончательно понять – конечно, нет. Но приблизиться к пониманию, хотя бы осознать, с какими сложностями сталкивается слепоглухой человек, думаю, возможно. В этом заключалась стартовая идея книги. Я начал с цикла о последнем увиденном в жизни, затем добавил цикл о последнем услышанном в жизни. И, наконец, собрал цикл о том, что человеку взамен слуха и зрения дала слепоглухота. На эту тему меня натолкнула та же Лида Юсупова, и хотя внешне она кажется кощунственной – ну вот что, на самом деле, может прекрасного дать слепоглухота? – ответы получились очень разнообразными: каждый человек открывал для себя что-то новое, в том числе недоступное в зрячелышащем состоянии.

Работу над циклами я закончил в конце 2022 года, затем ещё год работал над статьёй о слепоглухоте и документальной поэзии – мне не хотелось начинать публикации с «чистого листа», важно было обоснование, введение в контекст. Искренне благодарен Александру Скидану, который предложил её написать; иначе тексты могли затеряться в больших потоках соцсетей и книга могла не состояться. А буквально через несколько недель после выхода статьи и двух циклов в «Новом литературном обозрении» мне написал редактор Jaromír Hladík press Игорь Булатовский. Благодаря его бережной работе (которую он готовил как арт-объект с потрясающими иллюстрациями Ксении Пройдисвет) и появилась эта книга.

– Почему монологи о слепоглухих потребовали именно художественной формы и почему именно – верлибра? Потеряли бы они что-то, будучи записаны как рассказы в прозе, и если да, как ты это видишь?

– В первую очередь, это связано с моей личной поэтической работой. Я выбрал форму, в которой комфортно мне – и с помощью которой я смог бы максимально убедительно воплотить задумку. С другой стороны, параллельно я работал над книгой интервью со слепоглухими людьми – и это тоже документальный материал, поданный именно в «прозе» (я полагаю, ты имел в виду именно такую прозу, а не рассказы).

Можно сразу заметить отличия – если в поэтическом тексте я выстраивал ритм, уточнял звучание, убирал всё, что может помешать итоговому впечатлению – то есть занимался режиссёрской работой, – то в интервью оставлял весь простор мысли моих визави.

Разумеется, по воздействию подобная поэзия и подобная проза различны. И если в монологах я рассчитывал в первую очередь на художественный эффект, то в интервью скорее на социальный. Как минимум, поэтому страницы наполнены фотографиями, иллюстрирующих жизнь моих героев от детства до настоящего времени.

В монологах же важны были и лаконичность, и общая композиция. Один герой прислал едва ли не исповедь на восьми страницах – если бы я опубликовал её всю, то эффект небольшого законченного высказывания был бы смазан. Другая героиня рассказала эпизод из своей жизни по телефону. С третьей мы несколько раз списывались, потом я искал все её публичные выступления, цитаты, чтобы в итоге создать убедительную речь, в которой видны и характер, и судьба.

Мне кажется, в подобной инклюзивной работе важны все жанры, и каждый по-своему раскрывает тему. Я выпускал прозаические и нон-фикшн книги слепоглохих людей. Сейчас дошла очередь до поэзии и жанра интервью. А самоповторы, как ты знаешь, оказывают с каждым разом всё меньшее воздействие.

– Был ли ты внимателен к сохранению фактов? Вообще, важно ли это? Наверняка о каких-то доверенных тебе вещах ты считаешь неправомерным рассказывать?

– Каждый монолог я многократно уточнял у собеседников. Моя роль сводилась к режиссуре и некоторой редактуре (часть ответов была записаны на голос, а некоторые переданы на брайлевских листах). Все истории полностью правдивы. Думаю, самый большой грех документальной поэзии – додумывание, вложение в уста информантов собственных мыслей.

Разумеется, перед нами может быть художественное произведение с вкраплением документального материала (как, например, у Михаила Сухотина в «Стихах о первой чеченской кампании») или коллаж из голосов, подчёркивающий масштаб трагедии и всеобщий хаос боли (как, например, в работах Станислава Львовского с фразами грузинских солдат). Но это те рамки, которые автор задаёт изначально, только входя в текст. Читатель воспринимает их как правила игры. В этом, думаю, принципиальное отличие кейсов Шишкина и Иличевского: в одном случае мы понимали, как читать текст; в другом случайно заметили чужое. Не говоря уже о поразительном и парадоксальном «Путеводителе по N» Александра Скидана, который, если не ошибаюсь, полностью соткан из чужих текстов, причём некоторых источников не угадать – Скидан сам перевёл их для романа. Текст получается сновидческий, причём не то чтобы полифоничный; будто бы вышедший из грёз, и эффект от прочтения – колоссальный. Тоже в каком-то роде документальный жанр, где документами стали художественные тексты.

– А можно ли говорить о соавторстве?

– Да, мне была важна не просто достоверность – некий элемент соавторства, поэтому я доверял в «шапки» монологов имена своих героинь и героев и некоторые сведения о них. В документальном жанре мне всегда не хватало некоего элемента верификации/веры. Обезличенная трагедия тоже разворачивается внутри читателя, но ты не до конца отождествляешь себя с тем или иным персонажем. «Каймания» Марии Малиновской в своё время произвела на меня поразительное впечатление – может быть, именно после неё я обратился к документальному жанру. Не хватало одного – большего погружения в запечатлённый ею мир безумия. Я читал эти монологи скорее как художественный текст, а не как свидетельство. Имена становились участниками ужасающего спектакля, от которого всё сжималось внутри. Но я не мог представить их конкретными людьми. Понимаю, с одной стороны, в таких темах конфиденциальность – мастхев, с другой же, я

хотел больше погрузиться в транслируемое Машей пространство как в некую ролевую игру, когда ты примеряешь на себя разных персонажей – и проживаешь с ними их сюжеты и жизни.

Поэтому я сознательно верифицировал монологи именами – практически каждого моего героя или героиню можно найти в Сети, некоторые – публичные люди. Я уверен, пограничные истории видения/невидения, слышания/неслышания (etc.), рассказанные *реальными людьми*, создадут больший эффект, вызовут большее читательское сочувствие и отождествление с собой – ведь потеря слуха и зрения может произойти с каждым, причём внезапно.

– Но ведь какие-то моменты не вошли в текст?

– Я убирал только те фрагменты, которые, как мне казалось, растушают художественный эффект. И несколько депрессивных эпизодов, связанных с желанием смерти. А ведь практически все слепоглухие люди проходят через чёрную депрессию. И те, кого мы знаем, те, чьи тексты можно прочесть в книге, – люди, которые справились с ней. Смогли жить дальше *новой* жизнью. Поэтому я хотел бы собрать цикл монологов именно об этом преодолении. Думаю, это будет важно и для самих слепоглухих людей, особенно тех, кто только сталкивается с подобным диагнозом, и для всех нас.

Ещё одна тема, которую мне бы хотелось раскрыть, – личная жизнь слепоглухих людей. Стереотип о том, какая же у инвалида может быть личная жизнь, тем более интимная, важно развеивать. Говорю и как человек, выросший в семье, в которой у обоих родителей инвалидность.

– Игорь Волгин когда-то говорил нам на семинарах про особые «стихи-барьеры»: мол, мы не можем обсуждать стихи, говорить о границах поэзии, когда автор, к примеру, пишет о смерти собственной матери. Существует ли похожая этика применительно к творчеству людей с ограниченными возможностями? Правомерно ли оценивать подобные тексты с точки зрения творчества, выстраивать некую иерархию?

– Во-первых, я не согласен с таким утверждением. Если автор написал подобное стихотворение, отдал его нам – читателям и критикам, – мы имеем полное право говорить о нём. Как о любом предмете искусства. Культура немислима без дерзости, хотьбы по грани, соприкосновений с практическими табуированными темами. И если автор пишет стихотворение, которое ставит между нами барьер, – какого чёрта его писать? Или выкладывать в публичное пространство (для личной самотерапии можно делать что угодно. Как писал мой учитель Владлен Кокин: «Поэты, мы не б..ди, / С любовью отдаёмся <...>Я перед вами голый. Похож на проститутку?»).

Так и тут.

Не существует «стихов-барьеров» или табуированных для обсуждения текстов; нет и особой этики применительно к творчеству слепоглухих людей или людей с другими формами инвалидности. Мы же не богадельня! Иначе это будет или унижение человеческого достоинства, или восприятие по остаточному принципу: они убогие, что с них взять. Это в корне неверно. Ирина Поголоцкая однажды спросила: вы публикуете мои стихотворения потому, что я инвалид, или потому, что это поэзия? Это сакраментальный вопрос, касающийся человеческого достоинства. Снисхождение в любой сфере культуры равняется унижению. В этом плане меня глубоко возмущают слова: «это, мол, наивное искусство», когда речь идёт о художественном неликвиде; нет, примитивное искусство особый жанр – Данила Давыдов пишет порой наивные стихи, и ты понимаешь, что это приём, поскольку за внешне невзыскательным текстом скрыта огромная база знаний, и в самих строках *тоже* зашифрованы смыслы. А если речь о потугах «я любила ты ушёл / мне теперь нехорошо» – какое же это наивное искусство?

– И всё-таки – применим ли к стихам твоих собеседников гамбургский счёт искусства?

– Принципиально недопустимо оценивать творчество людей с инвалидностью, используя похвалки и натяжки. Так ты и себя деформируешь – этически и профессионально. Либо есть предмет разговора/искусства, либо его нет. Вне зависимости от поднимаемых тем. Я уже говорил о Николае Кузнецове. У той же Ирины Поволоцкой есть строки, которые с полным пониманием можно написать только из состояния слепоглухоты: «Улыбаюсь сердечности / Ваших рук». А ведь руки – основное средство общения для людей, которые не видят и не слышат. Отчасти они ещё и глаза, ведь руками слепоглухие люди ощупывают объекты, изучая, «смотря» на них. И в каком-то смысле сердце. В этом плане образ Поволоцкой нов. Поэтому он является предметом искусства. И публикую я его исключительно поэтому.

Или стихи Алексея Богатого, с ощутимой хармсовской иронией: «Однажды зоопарк мы посетили / и восхищались, и в восторге были. / И даже – представляете? – я нюхал / зверюшек, что показывали люди. <...> Жираф-жирафыча унюхал я впервые, / кот-котофеича знакомого узнал...» Это тоже об особом опыте – изучения мира через обоняние. И памяти, когда даже через полгода-год человек способен вспомнить kota по запаху! Это, кстати, свойство многих слепоглухих людей. Алёна Капустьян (тоже героиня сборника монологов) рассказывала, что способна отличить всех находящихся в комнате людей благодаря обонянию.

Вышеприведённые примеры – маркер поэзии, и потому мы вправе говорить на любые темы внутри этих рамок. А иначе какое право мы имеем обсуждать смерть, например, Андрея Болконского – чем в рамках художественного произведения она отличается от смерти близкого человека? А что находится за рамками – дневниковое, самотерапевтическое, etc. – и обсуждать не стоит.

– Расскажи о явлении docupoetry. Как оно зародилось? Кого ты сейчас считаешь лидерами этого жанра или просто важными для тебя авторами?

– Практически сто лет назад в США уже шли споры об этичности – и вообще о возможности – жанра docupoetry. Об этом рассказывал Виталий Лехциер в своей, пожалуй, программной статье в «Новом литературном обозрении»¹. Добавлю, что определённый процент документа в поэзии был всегда, ведь и своя история – документ, и тогда ты информант самого себя. Но главная задача docupoetry – обратить внимание на тех, чей голос незаметен для общества. Но не менее важен. (Хотя могут ли быть неважные голоса?)

Этический вопрос, конечно, сопровождал этот жанр с самого начала. Насколько этично вторгаться в частную жизнь человека? Насколько глубоко можно закапываться в предельно личные, травматические, а порой и трагические подробности его жизни и смерти? Где та грань, когда личность человека начинает стираться, а на передний план выходит эго автора?

Несколько лет назад мы проводили опрос о документальной поэзии в журнале РОЕТИСА² – мнения респондентов разнились. Как редактор я соглашаюсь со всеми, поскольку в творчестве не может быть жёстко определённых рамок и при разных эстетических задачах/установках поэт выбирает свой способ подачи материала. И, как следствие, воздействия на читателя. Можно соединять свой голос с голосом информанта. Можно придерживаться не только абсолютной точности текста, но даже расположения его на странице. Можно параллельно вносить сюжетные изменения или добавлять другие голоса. Кто скажет иначе – скорее всего, ангажированы той или иной темой и пытаются манипулировать авторами и читателями. *Как правильно и как надо*, знает только создатель текста. Мы, разумеется, можем не согласиться, но это будет исключительно частное мнение.

Намного сложнее обстоит дело, когда человека уже нет – например, при воссоздании голоса/истории через протоколы, медкарты и т. д. Поэт берёт на себя *полную ответственность* за работу

¹ <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/eksponirovanie-i-issledovanie-ili-chto-proishodit-s-subektom-v-novejshej-dokumentalnoj-poezii.html>

² <https://licenzapoetica.name/points-of-view/survey/dokumentalnaja-pojezija-opros>

над этим материалом. И только от его совести зависит, насколько честным получится результат. Подробнее об этических проблемах и самом жанре я писал в статье о слепоглухоте и документальной поэзии в том же «НЛО»¹.

А если говорить о лидерах жанра в русскоязычных вертепах, вероятно, стоит назвать Лиду Юсупову (с её краеугольной для документатуры работой «Приговоры»), Марию Малиновскую, Станислава Львовского и Михаила Сухотина. Добавлю, что, по моим ощущениям, текст Сухотина в своё время стал шоком и откровением о документальном жанре и задал некие рамки работы с материалом в русскоязычном пространстве. Необходимо назвать и Виталия Лехциера с медицинскими и антропологическими текстами. А так-то ряд велик!

– А если обращаться к новейшему поколению?

– В дебютной книге Софьи Сурковой «Лазурь и злые духи» есть цикл *gehab*, кажется, ещё не в должной мере отрефлексируемой критикой. В предуведомлении авторка пишет: «3 января 2018 года я попала в реабилитационный центр фонда во имя Архангела Гавриила и пробыла там семь месяцев. Я просила разных людей рассказать мне про их жизнь и историю употребления, я записывала эти рассказы». Результат по силе воздействия – потрясающий, достойный отдельной книги, очень страшный, жуткий. Сродни битничеству, которое своим появлением предопределяло будущие разложение и смерть. Но из рехаба реально вернуться.

– Какие истории, рассказанные твоими собеседниками, поразили тебя наиболее?

– В той или иной степени – все. Как воспринять ситуацию, когда родители ругают девочку за глухоту? Можно ли спокойно прочитать историю, в которой слепая бабушка играет с внуком в прятки, ориентируясь на его смех? Или первые светлые чувства незрячих подростков, которые прервались, когда юноша перестал слышать её голос?

Каждая история – пограничное состояние жизни. Путь от здоровья до болезни. От рухнувших планов на жизнь до существования 2.0. Мне было важно показать, что после наступления слепоты и глухоты жизнь не заканчивается. Только лучик света в тёмном царстве начинает светить внутри человека – мотивируя вставать с постели, осваивать средства общения, возвращаться к более-менее активной жизни. Находить новые источники удовольствия, заполняя ту пропасть, которая в один момент образовалась в нём. Например, Ирина Поволоцкая выбралась из чёрной депрессии благодаря фламенко и свободе, которую дало ощущение тела в пространстве.

В конечном итоге, это книга о силе духа, о руках, которые опускались, но каждый раз поднимались вновь. О жизни, которая пробивается и побеждает в любом состоянии.

Важный урок для всех нас, часто пребывающих в вынужденной депрессии, глубоко страдая, когда приходится выйти из зоны комфорта (говорю это как человек с медицинским диагнозом депрессии; если речь о болезни, это страшное состояние, но я сейчас о другом). Большинство проблем мы выдумываем сами себе – культивируем их, растим, сажаем на трон, скрываясь в коконе жалости к себе. Какое, к чёрту, право вы имеете жалеть себя, если даже люди, лишённые слуха и зрения, колясочники, обладатели целого букета заболеваний не пухнут в лично созданном небытии, а изо всех сил стараются жить?

Для меня это главный итог книги. И главный антидепрессант.

– Доволен ли ты отзывами о сборнике?

¹ <https://magazines.gorky.media/nlo/2024/2/vnutri-shesti-tajnikov-lui-brajlya-slepopgluhota-i-dokumentalnaya-poeziya.html>

– Сразу после выхода сборника Всероссийское общество слепых пригласило меня на радио- и видеointerview, спасибо Жанне Смагиной. На презентации добрые слова о книге сказали Данил Файзов, Дария Солдо и Павел Кричевский. Конечно же, меня очень поддерживало отношение к проекту издателя Игоря Булатовского и Александра Скидана.

Если говорить о самих слепоглухих людях, у меня сохранилось несколько отзывов. Раз ты спрашиваешь, приведу несколько цитат.

Евгения Лагунина: «Меня переполняют эмоции... Как это вы смогли передать простыми словами то, что я Вам говорила так сумбурно и несвязно? Это просто удивительно... Мне самой бы не удалось так написать...»

Наталья Кремнёва: «Володя, это чудо что такое... Это потрясающе у вас получилось! Мне мой написанный текст в том виде, как я вам его послала, не нравился, казался банальным, скучным... А вы сейчас, ничего по сути не добавляя, не уменьшая, сделали очень сильный текст! Без преувеличения. Вы передали состояние души, о котором я сама сказать не могла бы... Я никогда не представляла себе, что так можно сделать! За каждой историей так, как вы ее сделали, виден человек, а не слепоглухой. Именно Человек, переживший эту трагедию...»

Буквально сейчас, когда я дописываю ответы, появилась и первая рецензия – Ольги Балла в журнале «Знамя», которая легко пожурила меня за интонационную схожесть, но при этом отметила, что заданный книгой разговор – среди важнейших в гуманистическом плане: «о ресурсах силы и смысла в человеке в ситуациях, казалось бы, максимально располагающих к отчаянию, и об умении ими воспользоваться».

– Какие советы по взаимодействию с такими людьми ты бы дал тем, кто впервые с ними сталкивается?

– Это зависит от того, сохранились ли у человека остаточные слух и зрение. В лучшем случае тебя просто-напросто услышат. Только, пожалуйста, если у человека слуховой аппарат, не нужно говорить громче. Он настроен, чтобы максимально комфортно воспринимать окружающие звуки. Повышая голос, тем более крича, мы рискуем сделать физически больно – звук может передаваться искажённо, резко, оглушающе. Некоторые слепоглухие люди из-за сильнейшего дискомфорта, вызванного звуковыми дефектами, не носят слуховые аппараты (мне как-то рассказывали, что в ушах и так будто бы постоянно взлетает самолёт, а если надеть аппарат, звук становится запредельным).

Если у человека сохранились остатки зрения, можно попробовать ясно артикулировать – вас могут считать по губам.

В остальных случаях общение может быть тактильным или электронным. С последним понятно – дисплеи Брайля (и некоторые другие гаджеты / приложения) делают присланный вами текст понятным для слепоглоухого человека. Как правило, он считывает ваше сообщение по брайлевским шестичетям, поэтому важно не растекаться мыслью по древу.

В тактильном плане самое сложное – впервые взять слепоглоухого человека за руку. Я наблюдал, как девчонки-волонтеры не решались этого сделать. Но, когда делаешь это впервые, страхи пропадают. Слепоглухие люди, тем более их руки, не кусаются! Более того, нашим подопечным важно не чувствовать себя в социальной изоляции, когда на мероприятии – например – все проходит мимо, будто их там нет! Психологически это ранит. Достаточно поздороваться и представиться, и человек не будет ощущать себя брошенным.

Есть и другое. Помню, когда впервые дотронулся до ладони Ирины Поволоцкой, ощутил невероятный поток тепла и приятия. Это уже об энергии, которую мы не видим (а порой и не верим в неё). Я изумился, насколько мне комфортно находиться рядом! Добавлю, что общение из ладони в ладонь часто эмоционально окрашено: человек может замедляться, ускоряться, «произносить» буквы с разной степенью экспрессии.

Слепоглухие люди во время массажа (из них получаются отличные массажисты!) способны определить места, где болит, где притаилась инфекция, если не что-то более страшное. Я не уверен, что существует *полноценное* целительство руками, но на себе ощутил, как из ладони Ирины энергия и тепло передались мне. Эмоционально мне точно стало лучше.

Впервые взяв человека за руки, не стоит переживать, что вы не сможете общаться. Он может попросить изучить вас – провести руками по контурам корпуса, чтобы понять, кто находится перед ним. Это нормально. Если вы не знаете никаких особых средств общения («дактиля»¹ или кода Лорма²), достаточно написать простое слово/слова печатными буквами на ладони. Такой метод называется дермографией.

При этом и «дактиль» выучить не сложно. После получасового мастер-класса люди способны произнести на «дактиле» своё имя. Стоит немного потренироваться – и вы обретёте секретный шифр, которым сможете общаться с близкими в полной тишине. Или разговаривать со слепоглухими людьми.

– Какие самые главные вещи ты понял, написав книгу?

– То, насколько важны *незамечаемые* ранее голоса. При чтении этих монологов я не раз видел слёзы, люди подходили, задавали множество вопросов. На вечере в Шымкенте я час отвечал на вопросы – все были связаны со слепоглухотой.

В какой-то момент, когда ты занимаешься той или иной инклюзивной деятельностью, ты входишь в состояние инерции, когда специфика твоей работы перестаёт трогать с той же силой. Это нормально, особенно если вспомнить внешнее «безразличие» врачей скорой или людей, работающих в новостях: принимай они все трагедии как свои, сошли бы с ума.

Чтение, резонанс, чужие слёзы раз за разом пробуждают в тебе человека, дают возможность продолжать работу с нужной степенью эмпатии. При этом я уверен, что в один день подобную работу следует прекратить. До того неизбежного момента, когда она станет рутинной, медленно тлеющим выгоранием. Черты, после которой начинается эксплуатация без попыток привести новое, вложиться всем собой.

Это задача и благотворительных фондов – наработать методологию, привести технологии, изменить общество, когда проблема/заболевание может быть решена без их участия. Медицинскими средствами, человеческой осознанностью, имплантами и др. И прекратить своё существование.

– Наверное, сложно понять, когда наступает этот предел.

– Непросто. Но любая литературная работа, любой литературный метод – конечны. Эксплуатируя одно и то же, впадаешь в стагнацию, останавливаешься в развитии, становишься неинтересен. Этакий прямоходящий кринж с вторичными даже для самого себя текстами. Когда вы видите стенания в соцсетях авторов 40-50-60+ о том, что они не интересны, их не читают и не публикуют, – значит, человек давно выгорел. Растерял драйв. Когда-то выданные авансы потрачены – а юношеские публикации следует в первую очередь воспринимать именно так. И если развития в текстах/мысли/методах не произошло, кому же вы будете интересны?

Это я к тому, что вечно темой слепоглухоты заниматься не будут. Благо вариантов, как известно, – легион.

¹ Дактилология — пальцевая азбука, с помощью которой общаются из ладони в ладонь. Каждому положению пальцев соответствует определённая буква.

² Способ общения, когда каждой точке на ладони соответствует определённая буква.

– Ты уже несколько раз упомянул о книге интервью со слепоглыми людьми. Расскажи о ней подробнее. Какого рода эти интервью? Как ты отбирал героев? Чем эта книга отличается от сборника монологов?

– Книгой интервью со слепоглыми людьми я занялся в 2020 году. И хотя в ней всего 11 бесед, работа длилась более пяти лет. Почему? Предположим, кто-то не мог сразу ответить и литературно, и стилистически выверенно. Часто требовались дополнительные вопросы, многочисленные уточнения и время, время, время (элементарно: не каждый слепоглым человек способен среагировать моментально, порой ответных писем я ждал неделями).

Мне говорили – почему ты их обрабатываешь? Нужно публиковать так, как было прислано. Думаю, люди говорят так из соображений прекраснотушия, не понимая, что приведение текста в порядок/редактура – ещё и знак уважения к человеку. Само собой, я стараюсь сохранять стилистические и интонационные особенности моих визави. Но как я могу оставить то, что может унижить человека, что может показать дефекты в стилистике и грамматике? Многие слепоглые люди прекрасно мыслят, их историями заслушаешься. Но естественные сложности с доступом к информации мешают оттачивать текст. Это аксиома. Ты знал, что глухие люди часто делают ошибки в окончаниях, хотя прекрасно видят слова? Так работает восприятие, которое не подтверждается звуковыми источниками извне (когда запоминание происходит подсудно). Ты видел, как незрячий человек печатает по зрячей клавиатуре вслепую, и тебе приходится буквально реконструировать текст? Ты когда-нибудь расшифровывал интервью, произнесённое вслух слепоглым человеком, учитывая, что у человека, который не слышит себя, голос год от года искажается?

– Понимаю, что всё это значительно увеличивает сроки работы над материалами...

– Над одним интервью я работал полтора года. Это была исповедь более чем на 30 страниц – как раз тот случай, когда человек, не видя буквы, печатал на зрячей клавиатуре, и некоторые фразы (особенно когда пальцы встали не так) не поддавались расшифровке. Возможно ли в таком случае публиковать беседу «как есть»? Притом что по мысли и глубине это интервью одно из лучших в книге.

Я отбирал наиболее интересных собеседников с литературными способностями. Мне было важно, чтобы человек ответил и объёмно, и небанально. Это было невероятное путешествие во внешний, а главное, внутренний мир людей, которые не видят и не слышат. Мы говорили обо всём – об их жизни, о приходе слепоглукоты, о том, как они чувствуют и воспринимают мир (в том числе справляются с элементарными для нас вещами), о творчестве, вере, технологическом будущем; и, конечно, об общечеловеческом – чаяниях и мечтах. Мне было важно показать людей объёмно, как личностей, без эффекта «зоопарка», к чему порой скатываются инклюзивные проекты и сборы, которые я вижу в сети.

Конкретно к работе над книгой (финальной редакции, подбору фотоматериалов) я приступил в прошлом году. С весны вёл переговоры с «Эксмо», а потом, когда мы подписали договор, занялся финальной обработкой проекта. Думаю, я не смог бы пройти этот путь (и уж точно уложиться в сроки) без Дарии Солдо, которая за это время стала невероятным другом, близким, практически родным человеком. С минувшей весны мы с ней ходили на инклюзивные мероприятия, заглядывали в гости к слепоглым людям (виделись с Ириной Поволоцкой, отвозили книги Алёне Капустьян – а у Алёны вышли потрясающие эссе о жизни в состоянии слепоглукоты). Даша очень поддерживала меня, когда я занимался книгой монологов, и выступила на её презентации в «Гостином дворе» на non/fiction№26 (вместе с Ириной Поволоцкой, Данилом Файзовым и Павлом Кричевским). Сейчас мы с ней собираем специальный номер журнала РОЕТИСА, посвящённый слепоглукоте. А в непосредственной работе над книгой, с декабря по февраль, она каждый день была рядом, практически в режиме 24/7, редактировала вместе со мной каждый

текст, изучала вёрстку; вместе мы обсуждали каждую деталь книги – и я совершенно не лукавлю, когда говорю, что один бы не справился. Конечно, так или иначе я бы закончил проект, но *так* хорошо, легко, вдохновенно и в кайф точно не получилось бы. Вообще мне очень повезло с друзьями, коллегами и близкими людьми. Помимо команды «Эксмо» (особо отмечу менеджера Алёну Щербакову и дизайнера обложки Владимира Безкровного), мне помогали люди, с которыми я дружу много лет: Виталий Шутиков, Светлана Демидова, Мария Лобанова, Павел Кричевский. Мне было важно ощущать поддержку главы Фонда «Со-единение» Натальи Соколовой и члена нашего Попсовета, народного артиста Сергея Безрукова, который очень многое делает для слепоглухих людей (тут я оговорюсь, что это сотрудничество нужно рассматривать в плане работы, а не моих политических предпочтений).

От сборника монологов эта книга отличается жанром. В «Потерянном и обретённом свете» – поэзия с особым ритмом, выстроенной интонацией, сконцентрированностью сюжета и чувств. В «Я говорю» – полноценные беседы, порой на 30 книжных страниц. Разные грани одного и того же дела/мира. Ведь объём рождается в совокупности – одну-единственную каплю дождя ты не ощутишь, а гроза – это и небо, и молнии, и ветер. Так и слепоглухота – это ведь не только отсутствие слуха и зрения, но и множество сопутствующих проблем, особых подходов к жизни...

– *Есть ли дальнейшие планы в работе с этой темой?*

– Как я уже сказал выше, любая работа конечна, и, приступая к ней, нужно заранее предвидеть, когда ты прекратишь ею заниматься. Ощущаю, что отдал этой теме практически всё, что мог. И мне важно видеть амбассадоров, которые в литературном аспекте помогают мне, продолжают мою работу, создают что-то новое, своё.

Мне была чрезвычайно важна работа с Анной Грувер в журнале «Парадигма», когда мы готовили блок по слепоглухоте. Благодаря прекрасным переводчицам я смог сделать лучше и глубже антологию «Я-тишина» (например, Анна Орлицкая нашла слепоглухих поэтов в Бразилии и Испании, Наталия Первова – «ушерика»¹ из Швеции, а Лена Байбикова слепоглохого профессора из Японии, контакты которого мы искали буквально всем миром). Сейчас в Петербурге Владислав Черейский на основе собранных мною работ и своих наработок читает лекции о слепоглухоте. С Дарией Солдо, повторюсь, мы собираем тематический номер «Поэтики» – и буквально сегодня Иван Алексеев из Китая написал, что ему прислали работы десяти авторов, связанных с нашей темой!

Что касается непосредственно меня, я хотел бы издать ещё одну антологию текстов о слепоглухоте – в первую очередь, с авторами и авторками новейшего литературного поколения. Довести до логического итога проект с монологами – уже готовы переводы на английский, выполненные Марией Дейкуте; Злата Рошаль и Фелицитас Киргиз готовят в Германии выставку, посвящённую проекту. Знаю, что тексты переводят на казахский (а на польском такая книга в переводе Агнешки Яжембовской вышла в те дни, когда я отвечаю на эти вопросы). Может быть, получится инициировать несколько мультимедийных проектов, связанных с этими текстами.

Ещё я взял для нескольких новых интервью со слепоглухими людьми, но не уверен, что это претворится в новую книгу. И собрал два цикла монологов – о личной жизни в состоянии слепоглухоты и способах выхода из депрессии. Думаю, на этом моя миссия была бы закончена. Но жизнь непредсказуема, вполне возможно, что-то новое, необычное, то, что я сейчас не замечаю, вдохновит меня. И тогда – кто знает, что ждёт впереди. Главное, чтобы в каждом проекте оставалась частичка нас. Это касается не только той темы, которой я занимаюсь, а вообще – искусства и жизни. Если в красоте нет сердца, она застывает бессмысленной Галатеей, и даже руки слепоглухих людей не способны почувствовать в ней что-то живое.

¹ Так иногда называют людей с синдромом Ушера.